

Информация для цитирования:

Костецкая Е. В. Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков : распространение, численный состав и религиозная культура / Е. В. Костецкая, Л. Н. Сулова, К. Е. Зольникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 409—434. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-409-434.

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N., Zolnikova, K. E. (2024). Rationalistic Sects of Doukhobors and Molokans in Tobolsk Province in 19th — Early 20th Centuries: Distribution, Numerical Composition, and Religious Culture. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 409-434. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-409-434. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков: распространение, численный состав и религиозная культура

Костецкая Екатерина Викторовна
orcid.org/0000-0002-1138-8157
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории, права,
социально-экономических
дисциплин и методик преподавания
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Сулова Людмила Николаевна
orcid.org/0000-0002-2426-2967
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания,
корреспондирующий автор
lnsuslova@yandex.ru

Зольникова Кристина Евгеньевна
orcid.org/0009-0008-4404-612X
исследователь
zolnikova_2004@mail.ru

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Rationalistic Sects of Doukhobors and Molokans in Tobolsk Province in 19th — Early 20th Centuries: Distribution, Numerical Composition, and Religious Culture

Ekaterina V. Kostetskaya
orcid.org/0000-0002-1138-8157
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Law,
Socio-economic disciplines
and teaching methods
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Ludmila N. Suslova
orcid.org/0000-0002-2426-2967
PhD in History, Associate Professor
Department of History, Law,
Socio-economic disciplines
and teaching methods,
corresponding author
lnsuslova@yandex.ru

Kristina E. Zolnikova
orcid.org/0009-0008-4404-612X
Researcher
zolnikova_2004@mail.ru

Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

© Костецкая Е. В., Сулова Л. Н., Зольникова К. Е., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей вероучения, религиозного культа духоборов и молокан, специфики формирования общины этих рационалистических сект, численного состава их религиозных последователей на территории Тобольской губернии. Были привлечены материалы Тобольского государственного архива, газеты «Тобольские епархиальные ведомости», труды дореволюционных, советских и современных исследователей. В ряду рационалистических сект выделены духоборы, молокане, немольяки, которые были основными религиозными движениями сектантов на изучаемой территории. Проанализированы факты образования религиозных общин и места проживания сектантов отдельных направлений на территории Тобольской губернии, особенности их самоорганизации и функционирования сект. Отмечается, что в секты вступали люди, желавшие разобраться в Библии, ищущие справедливого устройства общества. В своих стремлениях они оказывались в оппозиции по отношению к официальной церкви и государству. Социальную основу сект рационалистических сект составляло крестьянство и мещанство. Анализ статистических материалов показал незначительный рост численности сектантства на территории Тобольской губернии на протяжении второй половины XIX века и существенный скачок в начале XX века. С 1855 года к 1913 году число сектантов со 182 человек увеличилось до 1473 человек.

Ключевые слова:

сектантство; рационалистические секты; Тобольская губерния; духоборцы; молокане; немольяки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on studying the peculiarities of the beliefs, religious cults of Doukhobors and Molokans, the specifics of community formation of these rationalistic sects, and the numerical composition of their religious followers in the territory of Tobolsk Province. Materials from the Tobolsk State Archive, the newspaper "Tobolskie Eparhialnye Vedomosti," as well as works of pre-revolutionary, Soviet, and contemporary researchers were utilized. Among the rationalistic sects, Doukhobors, Molokans, and Nemolyaks (sectarians who don't pray) were identified as the main religious movements of sectarians in the studied territory. The article analyzes the formation of religious communities, the residential areas of sectarians of different denominations in Tobolsk Province, the peculiarities of their self-organization, and the functioning of sects. It is noted that people joined these sects seeking to understand the Bible and searching for a just social order, placing them in opposition to the official church and state. The social base of rationalistic sects consisted of peasants and townspeople (burgher class). Statistical analysis showed a slight increase in the number of sectarians in Tobolsk Province during the second half of the 19th century and a significant surge in the early 20th century. From 1855 to 1913, the number of sectarians increased from 182 individuals to 1473 individuals.

Key words:

Sectarianism; Rationalistic Sects; Tobolsk Province; Doukhobors; Molokans; Nemolyaks.

УДК 27-9+279(571.12)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-409-434

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков: распространение, численный состав и религиозная культура

© Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., Зольникова К. Е., 2024

1. Введение = Introduction

Сегодня религиозная жизнь России отличается разнообразием. В среде современного сектантства распространяются социально-опасные идеи, практики агрессивного психического воздействия на личность человека, призывы к деструктивному поведению, терроризму. История XX века дает примеры существования тоталитарных сект, разрушительно и массово воздействующих на общество, противоречащих его интересам (принуждение к разрушению семьи, отрицание службы в армии, угроза национальной безопасности). Однако еще в XIX веке в России самым опасным движением считали скопчество, которое активно распространялось в регионах, а представители рационалистических сект воспринимались как меньшее зло и были легализованы, их последователям было разрешено организовывать общины.

Некоторые исследователи XIX века разделяют точку зрения, согласно которой сектантство имеет естественное происхождение на русской почве и признается «не менее национальным и самобытным продуктом, чем само обрядовое благочестие» [Милуков, 1994, с. 102]. Например, А. С. Пругавин видит основу раскола в самом русском духе, которому свойственно искать правду, в противоречивости национального характера: «Во всех движениях религиозно-этического характера мы видим горячее, искреннее стремление народа добиться истины...» [Пругавин, 1905, с. 94].

Очевидно, что в моменты таких религиозных поисков для человека возникает опасность оказаться под влиянием деятельности сект, идеология которых может противоречить государственным ценностям и представлять угрозу для духовной жизни граждан. В связи с этим особую ценность для понимания эволюции рационалистического сектантства представляет изучение его истории, механизмов распространения и специфики функционирования. Изучение религиозных движений в региональном аспекте имеет определенное значение для понимания специфики общероссийских процессов развития религиозной жизни. Представляется актуальным рас-

смотрение основных проблем, связанных с пребыванием последователей рационалистических сект в Тобольской губернии в середине XIX — начале XX веков.

Для историографии XIX — начала XX веков была характерна неразработанность категориального аппарата. Вслед за Т. И. Буткевичем отметим различие в терминах «ересь», «раскол», «секта», существующих для обозначения отделившихся от Православной церкви «лжеучений». Ересью называют учение, искажающее христианские догматы. Под расколом подразумевают отделение от Православной церкви в основном по причине расхождения взглядов на культовую практику, церковные обряды. Понятие «секта» было перенесено русскими богословами из римско-католической литературы и использовано применительно к русским общинам, учения которых противоречат официальной церкви, но формально ею не осуждаются [Буткевич, 1910, с. 2—3]. Сегодня распространена точка зрения на определение секты как религиозного объединения с самобытным вероучением и культом, которое возникло в результате отделения от более крупной организации и характеризуется изолированностью и претензиями на исключительность взглядов приверженцев.

Принципиальным для понимания исследуемой проблемы является определение понятия «религиозное сектантство». Под *религиозным сектантством* в широком смысле понимают социальное явление, которое представляет собой совокупность негативно-деструктивных взглядов и действий, направленных на противостояние с другими социальными и государственными институтами, создающее в сфере духовной жизни общества систему, состоящую из асоциальной веры, деструктивного культа и организации [Боева, 2012, с. 11]. Термин «сектантство» был введен в оборот представителями официальных церквей и в их понимании он носил негативный характер по отношению к представителям оппозиционных течений. Следует заметить, что сами последователи некоторых отошедших от традиционных церквей движений не видели ничего предосудительного в этом названии. Кроме того, сектанты отмечали в данном явлении положительные черты: проявление свободы веры, единение, религиозное очищение и возрождение.

В XIX веке объектом исследования церковных и государственных деятелей становится проблема классификации русских сект. В дореволюционный период этот вопрос рассматривают Т. И. Буткевич, А. С. Пругавин и другие. Т. И. Буткевич выделяет ряд критериев для классификации: степень интеллигентности приверженцев, источник вероучения, причины происхождения, время появления, наличие мистического и рационалистического элемента. По его мнению, наиболее оправданно деление сект на

мистические и рационалистические [Буткевич, 1910, с. 13]. К мистическим сектам он относил хлыстов, скопцов, шалопутов, к рационалистическим — духоборов, молокан, штундистов, баптистов и другие движения. А. С. Пругавин предлагает делить секты на три группы: староверческие, рационалистические и мистические [Пругавин, 1905, с. 76]. К рационалистическим сектам («духовных христиан») он относит духоборцев, субботников, молокан, штундистов, баптистов.

В свою очередь, рационалистическое сектантство принято было делить на секты, «отпавшие от инославия» и «отпавшие от православия». К сектам западного происхождения, сложившимся под иноземным влиянием, имеющим значительное распространение в России, следует относить баптистов, евангельских христиан, адвентистов и пр. В то время как духоборов, молокан, иеговистов и толстовцев можно признать учениями, сложившимися в условиях национального русского быта [Терюкова, 2013, с. 105]. Данная классификация представляется вполне приемлемой и обоснованной для дальнейшего рассмотрения изучаемой проблемы.

Содержательно взгляды представителей мистического и рационалистического сектантства имели ряд отличий. Если последователи мистических сект исповедовали учение о воплощении божественного начала в людях и источником вероучения признавали внутреннее откровение, то приверженцы рационалистических сект считали источником познания мира Священное Писание, но допускали его толкование каждым верующим. Для рационалистических сект важнее учение, этика, чем ритуал и обрядовость. В. М. Скворцов отмечает, что система вероучения рационалистических сектантских движений строится на заимствованных в начале XVIII века западноевропейских религиозно-протестантских понятиях. В этой системе разум (ratio) человека становится важным инструментом религиозного познания, поэтому допускается свобода и самостоятельное участие в понимании Священного Писания. Авторитет Церкви как посредника в общении Бога и человека ставится под сомнение. С этим связана такая особенность культовой практики рационалистического сектантства, как «иконоборчество и отвержение церковной обрядности» [Скворцов, 1896, с. 4].

В контексте настоящей работы термин «рационалистическое сектантство» будет использован применительно к идеям представителей раскола нестарообрядческого и немистического направления, сформировавшимся в русской культуре в XVII — начала XX веков, согласно которым верующие хотят понять божественный смысл с помощью собственного разума без руководства и помощи Русской Православной церкви.

Хронологические границы исследования охватывают период XIX — начала XX веков. Начало проявления в русской религиозной жизни ра-

ционалистического сектантства восходит ко второй половине XVIII века. Однако интенсивное развитие сектантских движений в России происходит в XIX — начале XX века. Преобразования в социально-политической жизни способствовали изменению традиционной религиозной картины мира, религиозному поиску. Для рассмотрения эволюции сектантства также ключевым этапом служит революция 1905—1907 годов, за которой последовало изменение государственной политики в сторону веротерпимости. Кроме того, этот период интересен и в отношении рассматриваемого региона: именно в это время в Тобольской губернии начинают распространяться рационалистические движения. Географические рамки исследования охватывают Тобольскую губернию как один из центров распространения рационалистического сектантства: на эту территорию переселялись жители южной и европейской части России; ее населяли ссыльные, в том числе сосланные за религиозные взгляды.

Целью исследования является рассмотрение общих закономерностей, тенденций развития сектантства в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков. В задачи входит выделение религиозных групп сектантов, существовавших в губернии; описание локализации рационалистических сект на территории Тобольской губернии; установление численности последователей, характеристика основных положений вероучения и культовой практики сектантов. Изучение распространения рационалистического сектантства на территории Тобольской губернии в указанный период представляется актуальным в аспекте исторического развития и регионального функционирования с целью обогащения научного знания в данной области и для разработки религиозной политики в сфере профилактики деструктивных влияний сект на общество.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование основано на ряде опубликованных и неопубликованных источников. Корпус неопубликованных источников составляют материалы официального делопроизводства, хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска. В фондах Тобольского губернского правления, Тобольского городского полицейского управления, Тобольской духовной консистории, Тобольского статистического комитета отложились дела, содержащие законодательные акты, переписку и распоряжения центральных и местных гражданских и церковных властей по вопросам реализации правительственных мер в отношении сектантов Тобольской губернии. Архивные материалы фонда позволяют изучить технологию и результаты деятельности местных властей по пресечению пропаганды сектантами-молоканами своих взглядов, сбору статистических сведений о сектантах. Распоряже-

ния губернских властей о содержании прибывающих в ссылку сектантов, осужденных за распространение своего вероучения, и другие материалы Тобольского государственного архива дают возможность более подробно раскрыть предмет научного исследования с использованием методов исторического анализа архивных источников.

К числу опубликованных источников, содержащих ценную информацию по истории рационалистического сектантства в Тобольской губернии, относятся статистические материалы, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного характера.

Изучение статистических источников, собранных, обобщенных и опубликованных различными департаментами министерства внутренних дел, таких как «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел», «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел», «Статистические сведения о старообрядцах к 1 января 1912 года», позволило проследить изменения численности, поездного распределения различных сект рационалистического направления, представленных на территории Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX веков, их место в религиозной структуре населения губернии. В эти источники включены данные первой всероссийской переписи населения 1897 года [Списки населенных мест ..., 1871; Распределение ..., 1901; Статистические сведения ..., 1912].

Важные сведения об истории рационалистического сектантства, вероучении его приверженцев, обрядовой практике, причинах дробления на местные толки содержатся в губернской периодической печати, представленной церковным изданием «Тобольские епархиальные ведомости». Отметим публикации И. Сырцова о современном состоянии раскола в епархии и характеристику сектантов Тюкалинского уезда Г. Шореца [Сырцов, 1883; Шорец, 1915]. Тобольские епархиальные ведомости публиковали также делопроизводственные материалы в виде отчетной документации миссионерского Тобольского свято-Иоанно-Дмитриевского православно-церковного Братства, итогов заседаний Всероссийского миссионерского съезда [Отчет о деятельности ..., 1918; Соловьев, 1909б].

К источником личного происхождения относится переписка Л. Н. Толстого с лидером духоборов П. В. Веригиным, отбывающим ссылку на севере Тобольской губернии [Толстой и др., 1995].

Комплексный анализ привлеченных источников позволил рассмотреть историю распространения на территории губернии рационалистических сект, изменение их вероучения, обрядов, социального состава общин. Осо-

бенностью источников по теме является их преимущественно официальный характер происхождения, что не могло не повлиять на относительность получаемых данных, в частности статистических.

Условно корпус отечественных исследований по теме рационалистического сектантства может быть представлен трудами дореволюционных авторов, историографией советского периода и современными научными изысканиями по разным аспектам изучения сектантства. Также за это время исследователями накоплен достаточно разнообразный комплекс методов изучения рационалистического сектантства.

Представители Русской православной церкви рассматривали рационалистическое сектантство как ересь, отступление от веры, враждебное православию заблуждение, «недуг», «патологию», «пустоцвет», «лжеучение», «саранчу». Они делали свои выводы на основе анализа официальной административной переписки светских и духовных учреждений, судебных материалов и письменных свидетельств сектантов. Историко-генетический и описательный методы изучения рационалистических сект представляются плодотворными, так как дают представление об учении, культе, способах религиозной пропаганды различных сектантских движений. Такой подход находит отражение в коллективном труде членов IV Всероссийского миссионерского съезда [Русские сектанты ..., 1911]. Подобный взгляд к изучению вопроса встречается и в труде С. В. Булгакова, включающем в себя помимо прочего материалы о рационалистических учениях, предназначенные для практического использования духовенством [Булгаков, 1913].

В сочетании с методами историзма и описания церковные авторы используют богословский подход к изложению сведений о русском рационалистическом сектантстве и делают акцент на сущности заблуждений адвентистов, баптистов, духоборов и пр. [Буткевич, 1910] и степени вредности их влияния на социальную жизнь [Скворцов, 1896]. Сегодня необходимо учитывать, что представители богословского подхода к изучению сектантства стоят на позиции православного христианства, то есть этот взгляд конфессионален, основан на понимании изучаемых явлений и процессов с точки зрения православной веры.

Дореволюционными авторами предложена общая методологическая схема изучения феномена сектантства и рационалистического сектантства, в частности. Она является базовой и для современных исследований, в том числе отчасти и для настоящей работы: история формирования и распространения общины, численность и социальный состав последователей, вероучение, организационная структура, религиозный культ, нравственное учение и быт, особенности взаимодействия сектантов и православной церкви [Рождественский, 1889; Маргаритов, 1910; Буткевич, 1910].

В определенной степени ценным для настоящей работы может послужить психологический подход к разработке темы рационалистического сектантства. К. Н. Плотников, составитель труда «История и обличение русско-го сектантства (мистического и рационалистического)», считает, что истоки сектантства берут начало в религиозно-нравственной психологии, но при этом его развитие зависит от исторических условий. В. Н. Терлецкий также обращает внимание на значимость метода психологического анализа «идей, эмоций и настроений, из которого слагается духовный облик сектанта». При этом он подчеркивает, что для расширения поля научного исследования необходимо пользоваться сравнительно-историческим методом.

В основном в работах церковных авторов и консервативно настроенных государственных и общественных деятелей рационалистическое сектантство представлялось как опасное явление религиозной и общественной жизни, противоречащее социально-политическим и духовным основам Российской империи. Однако была распространена и другая точка зрения на рационалистическое сектантство как прогрессивное явление и акт самостоятельной творческой духовной деятельности русского народа. В трудах о расколе А. С. Пругавин обращал внимание на идеи веротерпимости и равноправия по отношению к новым религиозным движениям [Пругавин, 1905]. Исследователь предлагает рассматривать развитие духовной интеллектуальной жизни народа во взаимосвязи с общественно-экономическим и правовым развитием общества. Такой историко-генетический метод дает возможность проследить взаимосвязь религиозной жизни с историческими и социальными процессами. Он выступает одним из ведущих методов исследования в работах советских исследователей сектантства.

В советский период появились труды, в которых христианское сектантство изучается с точки зрения марксистского подхода. П. М. Никольский в работе «История русской церкви» (1930) рассматривает рационалистическое сектантство как феномен, обусловленный развитием экономических отношений [Никольский, 1983]. А. И. Клибанов также связывает появление новых религиозных движений с социально-экономическими и политическими процессами [Клибанов, 1989]. Труды советских историков имеют определенную ценность для рассмотрения рационалистического сектантства в аспекте влияния на него власти, экономики, социальной среды в границах Тобольской губернии. В советское время в результате развития интереса к краеведению обращается внимание исследователей на изучение истории Сибири, в том числе предметом внимания становится региональный аспект исследования сектантства, в научный оборот вводятся неопубликованные местные архивные источники [Муратов, 1923; Долотов, 1930].

Сегодня территориально-локальный подход к исследованию бытования сектантства становится все более популярным в научном сообществе. Современные научные изыскания посвящены комплексному изучению сект на территории различных регионов [Кориков, 2011; Черказьянова, 1997]. Однако факты распространения на территории Тобольской губернии и локальные характеристики принципов вероучения и культа рационалистических сект остаются недостаточно изученными.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Духоборы

Духоборы — русская секта рационалистического направления, возникшая в России во второй половине XVIII века. Екатеринославский архиепископ Амвросий дал им такое название, так как «видел в их учении противление Св. Духу». Однако сами духоборы считали, что это название объясняет суть их учения: отрицание внешней обрядовой стороны религии и признание их борцами за дух: «Потому и духоборец, говорится в одном их псалме, что духом Богу служим..., духа забрали, от духа берем, и духом бодрствуем» [История и обличение ..., 1916, с. 106].

Как представители рационалистического сектантства, духоборы осуждали учение православной церкви, отвергали ее иерархию и отказывались от исполнения таинств и обрядов, посещения храмов, почитания икон, соблюдения постов и пр. Они считали, что «везде церковь, где два или три собораны во имя Христово» [Барсов, 1893, с. 252]. Под *церковью* понимали самих себя — «собрание истинных христиан для искреннего моления Господу Богу» [Бонч-Бруевич, 1909, с. 23]; «собрание избранных Богом людей» [Маргаритов, 1910, с. 103].

Как противники внешней обрядности, духоборы не признавали абсолютного авторитета Библии, так как считали писаное слово мертвым. Для них Священное писание христиан являлось лишь второстепенным источником, они многое в нем отрицали, придавая тексту свой иносказательный смысл. Они основывали свое вероучение на живом, устном предании, составлявшем «книгу животную», включавшую в себя отрывки Ветхого и Нового завета, молитвы православной церкви и духоборческие псалмы [Маргаритов, 1910, с. 99]. Предание, по верованию духоборцев, «есть плод внутреннего откровения и просвещения от Бога Слова» [Терлецкий, 1911, с. 32]. В псалмах духоборцы изобличали пороки пьянство, блуд, воровство, свхвалили крайность и воздержание.

У духоборов нет определенного учения об Иисусе Христе. Они не отвергают его рождения во плоти: «Иисус Христос был и человек; ибо родился, подобно нам, в плоти» [Новицкий, 1882, с. 232—233]. Но счита-

ют, что в нем выражается божественный разум, и он рождается, страдает, умирает и воскресает в душе человека, в том числе в духовных лидерах духоборцев.

Религиозный культ прост. Духоборы почитали святых и Богородицу, но не обращались к ним за помощью, отмечали храмовые праздники, за умерших не молились. Пост рассматривался как время для воздержания от дурных мыслей и дел. У них отсутствовали специальные помещения для молитвенных собраний. Молитвенные собрания устраивались в специальных комнатах, где стоял стол с солью и хлебом, в этих помещениях организовывалось чтение псалмов, беседы о житейских делах, трапеза. У духоборов были очень строгие нравственные правила: осуждались ложь, дурные мысли, роскошь в быту, желание славы. При этом брак не считался таинством и совершался по взаимному согласию без религиозных церемоний и обрядов. Управление жизнью общины находилось в руках религиозного руководителя секты. В этом отношении государственная и духовная власть не являлась для сектантов авторитетом и законом. С одной стороны, они считали, что им не нужны никакие власти, так как все люди между собой равны, и духоборцы по своей воле без принуждения исполняли все правила. Они не позволяли себе клятвы, почитание титулов, участие в войне, ношение оружия. С другой стороны, духоборы видели необходимость светской власти только для защиты от враждебного внешнего окружения [Маргаритов, 1910, с. 87]. В ходе переселения за Кавказ в 1841 году духоборы выражали подчинение властям: «Царя почитаем, милостивым властям повинемся: кто безвинно бьет и мучит, тот антихрист, кто милостиво судит, уподобляется Богу» [Барсов, 1893, с. 252].

Духоборы первоначально появились в Харьковской, Екатеринославской губерниях, затем распространились в Тамбовской, Воронежской и других губерниях России [Варадинов, 1863, с. 158—179]. С 40-х годов XIX века духоборы жили компактными поселениями в Закавказье. Переселенные в Закавказье духоборы были размещены в Тифлисской губернии [Буткевич, 1910, с. 222]. Некоторое время спустя часть их переселилась в Елизаветпольскую губернию и в Карскую область [Клибанов, 1965, с. 90]. Всего к концу XIX века в Карской области и Закавказье насчитывалось от 12 805 до 20 000 членов духоборческой секты [Распределение ..., 1901, с. 3, 22].

В 1886 году в среде духоборцев происходит раскол, связанный со смертью «богородицы» Лукерьи, не оставившей детей и не назначившей себе преемника. Образовалось две партии: одна с претендентом «на престол Давида» П. В. Веригиным, вторая партия — «гореловцев» со своим кандидатом А. Зубковым. Петр Веригин, провозгласив себя «пророком» и «царем царей», явился в с. Горелово, потребовав немедленно признать

его правителем «пророком Сиона». Однако А. Зубков вместо признания, обратился к местному начальству с тем, «что по случаю смерти Лукеры Калмыковой и предстоящего дележа её имущества происходят беспорядки, угрожающие общественной безопасности». Веригин как главный виновник возмущения был сослан в Шенкурск Архангельской губернии, а оттуда в 1894 году отправлен в г. Березов Тобольской губернии, куда прибыл 17 февраля 1895 года [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и1, оп. 1, д. 895, л. 6].

Ссылка Веригина в г. Березов подтолкнула его последователей (Большая партия) «поднять настоящее возмущение против русского правительства». Они перестали платить подати, отказались от военной и полицейской службы, требовали возвращения Веригина и невмешательства правительственных властей в дела общины. Попытка правительства в 1895 году расселить приверженцев Веригина по различным селениям Тифлиской губернии окончилась неудачей [Бирюков, 1896, с. 16—18]. С 1898 года по апрель 1899 года духоборы отбыли в Канаду, но эмигрировавшие духоборы составляли меньшую часть. По данным 1901 года в Тифлиской и Елизаветпольской губерниях и в Карской области осталось 14 824 духоборов. Кроме того, духоборческие поселения общей численностью около 2 тысяч жителей имелись в Воронежской, Самарской, Киевской, Иркутской и некоторых других губерниях, а также в Амурской области [Распределение ..., 1901, с. 8—9]. На миссионерском съезде 1910 года в Киеве указывалось, что среди духоборцев ведут успешную пропаганду штундобаптисты. ^B начале XX века происходит поглощение секты духоборцев другими рационалистическими сектами (баптизм, штундизм).

По мнению Т. И. Буткевича, уже в конце XVIII века на территории Сибири встречались духоборы, в частности, в Тобольской и Иркутской губерниях [Буткевич, 1910, с. 210]. Сектантство в Сибири развивалось преимущественно среди переселенцев [Муратов, 1923, с. 3].

На территории Тобольской губернии в 1855 году на жительстве находилось 59 человек — представителей сектантства рационалистического направления, из них 27 человек — молокане и духоборцы. Со времени воцарения Александра II и прекращения гонений на сектантов рационалистического направления наблюдается медленный, но неуклонный рост их на территории Тобольской губернии. К 1867 году численность сектантов-рационалистов увеличилась с 59 до 140 человек [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 32, д. 551, 554]. По данным всеобщей переписи 1897 года в регионе проживало 226 человек сектантов, из них 36 духоборцев [Распределение ..., 1901, с. 9].

Необходимо отметить нахождение в Тобольской губернии ссыльных духоборов, которые оказывали непосредственное влияние на местное на-

селение. В с. Обдорском Березовского уезда находился ссыльный духобор П. В. Веригин. Он был знаком по переписке с Л. Н. Толстым и произвел на него такое яркое впечатление, что в 1897 году первую в истории Нобелевскую премию мира, которую предполагалось вручить Толстому, Лев Николаевич предлагал присудить духоборам [Толстой и др., 1995, с. 5]. Учитывая это, можно предполагать, что взгляды Петра Васильевича (в том числе и религиозные) вполне могли быть приняты местным населением. По отзывам местной полиции и священников, Веригин был аккуратным, приличным и вел образ жизни «безукоризненный» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 15, д. 25, л. 55 об.]. В марте 1897 года березовский окружной исправник В. Кондратович писал: «Поведение Петра Веригина заслуживает самый похвальный отзыв, он безукоризненно честен, отзывчив на нужды ближнего, всегда готовый нести помощь нуждающемуся и личными услугами, и материальными средствами» [Там же, л. 108].

В 1897 году березовский окружной исправник предлагал перевести Веригина в г. Березов либо усилить наблюдение за ним в Обдорске вследствие соращения в свою секту обдорчан. Так, после появления здесь духобора отставной унтер-офицер А. А. Черноногов и крестьянин А. А. Чупров стали отрицать церковь, иконы, богослужения и иные внешние проявления религиозности. В качестве последователей Веригина обдорский земский заседатель также называл Филиппа Конева, инородца А. А. Собрина и крестьянина Егора Палтырева [Там же, л. 57—59].

Косвенным доказательством близости духоборческих идей населению Обдорска служит следующий эпизод. В конце XIX века в Обдорске находилась православная церковная миссия. В 1897 году туда прибыли два монаха, которые вели проповеди об опасности и вреде идей духоборческой общины для государства и православных. В письме П. В. Веригина Л. Н. Толстому сообщается, что в одно из воскресений ему дали возможность говорить в церкви: «Полемика вышла горячая, здесь же в народе многие приняли мою сторону мировоззрений <...> попы дошли до такого волнения, что один из них выразился: покажи нам своего Бога или Любовь! На такой вопрос некоторые из людей даже рассмеялись» [Толстой и др., 1995, с. 36].

В городе Сургуте отбывали наказание духоборцы Н. Т. Изюмченко (был знаком с Веригиным по переписки) и его «товарищ» В. И. Гаевский [Андросов, 1908, с. 86]. Николай Изюмченко, сосланный за отказ от военной службы в Тобольскую губернию, был освобожден только в 1905 году. По свидетельству губернатора, Н. Изюмченко оказывал влияние на молодежь, которая часто собиралась у него дома для бесед. Епископ отмечал, как установленный факт, что жена березовского купца Надежда Павлов-

на Добровольская была им совращена [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 17, д. 15, л. 3 об.].

Следует отметить, что в Тобольской губернии не было массового распространения духоборческих идей. В начале XX века в Тобольских епархиальных ведомостях сообщали, что Тобольский край «мало заражен сектантством»: «В темной необразованной массе идеи сектантства не вызывают ничего кроме улыбок: быть настоящими богами не желают даже тобольские раскольники» [Соловьев, 1909а, № 19, с. 498].

3.2. Молокане

Молокане — русская рационалистическая секта, близкая по вероучению к духоборческой и многое унаследовавшая из её учения и обрядов. В научной литературе по истории рационалистических сект традиционно, начиная с исследований дореволюционных авторов, духоборчество и молоканство рассматриваются параллельно как родственные движения («духовные христиане») в силу их генетических связей, общности положений учения, единства взглядов на светскую и духовную власти.

Около 1780 года от секты духоборов отделилось новое направление. Его основал С. Уклеин, крестьянин Тамбовской губернии, зять руководителя духоборческого движения И. Побирохина. Однако существует мнение, что истоки молоканства необходимо искать в «еретических» учениях Башкина и Косого времен Ивана Грозного [Новицкий, 1882, с. 11]. С. Уклеин только обобщил молоканские верования «бродившие в разрозненном виде... и объединил всех исповедников в одну секту» [Буткевич, 1910, с. 283]. Начал активно распространять свое учение по разным губерниям. Его приверженцами были преимущественно зажиточные деревенские жители, представители городских сословий (мещане, купцы). Название секты утвердилось благодаря донесению Тамбовской Консistorии (1765 год), в котором она «назвала учение этих вольнодумцев молоканием», так как последователи С. Уклеина позволяли себе есть в посты молоко [Маргаритов, 1910, с. 109]. Сами сектанты объясняют названия секты тем, что они «вкусшают словесное млеко».

Молокане отвергали господство православной церкви, отказывались от православных таинств и обрядов, крестного знамения, культа икон и святых и почитания святых мощей, но в отличие от духоборцев не отрицали института церкви. Не признавая святости храмов и церковной иерархии, считали, что «церковь Христова, или храм Божий, есть общество верующих в Бога» [Буткевич, 1910, с. 292]. По их мнению, Вселенские соборы и отцы церкви извратили своими постановлениями и сочинениями истинное христианство: «Один архиерей — Христос, все люди братья, все равны по благодати. Все люди равны и не может быть ни бедных, ни бога-

тых, ни рабов, ни господ». Свое учение молокане основывают на книгах Ветхого и Нового Завета.

Как и духоборы, молокане были противниками исполнения государственных законов, по их мнению, противоречащих Библии. Они избегали войны, военной службы, присяги. Однако отношение к политической власти в среде молокан было неоднозначным. Одни считали, что «не должно быть власти...ибо власть есть насилие», другие признавали царя и светскую власть: «Мы не отвергаем власти, мы считаем, что следует ей повиноваться, исполняя изречение священного писания, повелевающего...покоряться предержавшим властям. Надобно ...признавать власти, какие бы они ни были», но «нельзя и не следует признавать превосходным все то, что исходит из власти, если собственный наш разум не убеждает нас в превосходстве этого» [Цит. по: Пругавин, 1905, с. 35—36].

К середине XIX века в молоканстве уже существовали толки, отличающиеся друг от друга нововведениями в обрядах, учении, пищевыми запретами: «уклеицы», «сухие», молокано-штундисты, молокане тамбовские и пр. Так уже в 50-х годах XIX века в кругах донского казачества появился донской толк. Сектанты данного толка именовали себя «евангельскими христианами», «евангеликами». Они критиковали учение С. Уклеина за «сухое и безжизненное» молоканское богослужение в виде чтения псалмов и толкования Писания и признавали необходимость пяти таинств и некоторых обрядов Православной церкви. И. Крылов назвал себя «первосвященником всех духовных христиан» и ввел определенный строй «богослужения» с использованием внешней обрядности. Странники секты отвергали миропомазание, священство и признавали крещение, причастие, покаяние, брак, елеосвящение. Однако они понимали таинства в большей степени как обряды. В отношении к светской власти представители донского толка соблюдают законы государства и демонстрируют верность гражданским властям: признают военную присягу и службу, «молятся за царя» [Маргаритов, 1910, с. 137]. Один из руководителей этого толка Захаров в «Кратких правилах веры» утверждал: «Вера наша повелевает нам повиноваться властям, угрожая гневом Божиим...» [Клибанов, 1973, с. 132].

Дальнейшим развитием молоканства в новейшее время явились секты общих и прыгунов. В 30-х годах XIX века из молоканства выделилась секта общих, возглавляемая М. А. Поповым, который «начал учить, что труд и получаемое за труд должны быть общими» [Маргаритов, 1910, с. 138]. Он сформулировал правила организации жизни сектантов на началах социализма в его религиозном понимании. Поповым была введена общность имущества в общине и строгий общественный и церковно-религиозный строй. Во главе общины стояли двенадцать «апостолов» и казначей. Об-

щина управлялась «судьей», который объяснял Священное Писание и наблюдал за деятельностью других избранных «чинов», чтобы они не нарушали выполнение своих функций. В секте «общих» узаконена публичная исповедь перед судьей [Никольский, 1983, с. 315—316], или перед всем собранием, или перед тремя управляющими [Маргаритов, 1910, с. 139]. Толкование Библии разрешено любому члену общины, но по согласованию с «судьей».

В начале 50-х годов XIX века из секты общих выделилось прыгунство. Причинами откола прыгунов стали несогласие с особым положением двенадцати апостолов и недовольство тем, что «судьи» в секте общих решали не только земные вопросы, но и духовные — совершали исповедь над членами общины. Распространение деятельности секты началось с молоканина Лукьяна Петрова. Ссылаясь на слова пятидесятого псалма «окропиши мя иссопом и очищуся», он ввел правило, кроме чтения и пения, во время богослужений сопеть друг на друга, чтобы взаимно освятиться и очиститься от грехов. Поэтому последователей секты еще называли *сопунами*. Л. Петров установил обряды воскрешения дев и обряд прыгания, во время которого к избранным людям может снизойти Святой дух. Во время молитвенных собраний вместе с чтением и пением практиковалось «скаkanie, прыгание, топание ногами и дрожание всем телом по примеру царя Давида, с приговариванием бессмысленных слов, которые изъяснялись кем-либо как пророчество» [Маргаритов, 1910, с. 140]. Собрания и худощавый нервный вид прыгунов сближают их с хлыстами.

Религиозным обрядом у прыгунов руководит «пророк», которого выбирает община [Булгаков, 1913, с. 1651]. Прыгунское общество считало себя «избранным» и верило в наступление тысячелетнего царства Иисуса Христа. Они отмечали некоторые иудейские праздники. В 1859 году один из руководителей секты М. Рудометкин был сослан в монастырь за попытку короновать себя «царем духовных христиан». Но во второй половине XIX — начале XX веков сектанты не высказывали противогосударственных мыслей. Таким образом, в учении прыгунов обнаруживается комплекс идей из учений молокан, хлыстов, иудеев. В XX веке прыгунство все больше обнаруживало черты не рационалистической, а мистической секты, сближаясь с хлыстовщиной [Никольский, 1983, с. 317—321].

Во второй половине XIX — начале XX веков ни один из существующих в молоканстве толков не являлся главным и преобладающим. После отделения ряда толков оставшееся большинство молокан стало называться *постоянными молоканами*. Из всех религиозных сект молоканство было наиболее многочисленным и широко распространенным. Географически поселения молокан находились в Тамбовской, Воронежской, Самарской,

Саратовской и Астраханской губерниях. На протяжении XIX — начала XX веков среди участников секты стало распространяться миграционное движение. В 1870-е годы молокане «в большом количестве» переселяются в Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию и Дальний Восток [Клибанов, 1965, с. 146—147]. Приверженцы молоканства подвергались преследованиям и ссылались в Сибирь и на Кавказ, «но ни ссылка, ни тюремное заключение, никакие кары не могли утратить фанатиков нового учения» [Пругавин, 1905, с. 65]. Имело место и добровольное переселение молокан. Так, в 1870-е годы переселенцы из Тамбовской, Самарской, Воронежской и Тобольской губерний обосновались в Гильчинской волости Амурской области [Клибанов, 1965, с. 149]. К началу XX века в России сложились «три основных очага молоканства — закавказский, дальневосточный и средне-русский» [Клибанов, 1989, с. 609]. По данным переписи 1897 года, в Сибири проживало 11 692 последователя молокан разных толков, в Тобольской губернии — 60 человек [Распределение ..., 1901, с. 9]. По данным официальной статистики, к концу первого десятилетия XX века число молокан в губерниях центра достигало 13 400 человек, в Поволжских губерниях — 28 400, на Кавказе — 21 300 и на Дальнем Востоке — 28 400. Общая же численность молокан на территории Российской империи превышала 200 000 человек [Статистические сведения ..., 1912, с. 5—9].

В середине XIX века на территории Тобольской губернии Ялуторовский уезд считается районом распространения молокан [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 31, д. 1307, л. 38—39]. В это время в местной печати отмечается, что сектантство Тобольской губернии находится в периоде развития и редкие семейства придерживаются сектантских верований: «Есть на юге Тобольской губернии и молокане, но их очень мало» [Соловьев 1909, № 19, с. 497—498].

По сведениям благочинных округов, в 1912 году молокане проживали в п. Боголюбовском Больше-Могильской волости Тюкалинского уезда — 138 человек, 55 человек — в п. Павлодарском [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и417, оп. 1, д. 249, л. 62—63, 81 об]. Кроме того, из донесений священников и местных жителей видно, что в поселках Васильевском Андреевской волости, Михайловском и Беловском Царицынской волости Тюкалинского уезда проживало также некоторое количество молокан, ведущих активную пропаганду своего учения. В п. Васильевском Андреевской волости проживало 9 душ молокан, но после посещения поселка проповедниками-молоканами из п. Беловского было возвращено еще несколько семейств [Там же, л. 69—70]. Секта молокан существовала также в Ишимском уезде (24 человека) и имела общий молитвенный дом с баптистами [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 35, д. 846, л. 41].

Следует отметить, что большую сложность учета сектантов представляет отсутствие единой терминологии, которой бы пользовались священнослужители и органы административно-полицейского аппарата при доставлении сведений о сектантах. Сектантов называли по каким-либо признакам, обрядам или особенностям вероучения. Такие названия, как правило, отличались от используемых самими сектантами. Так, например, под именем *субботников* могли скрываться сектанты: молокане, иудействующие, адвентисты, — которые считали субботу праздничным днем. Лишь в некоторых случаях в документах расшифровывалось название секты. Также некоторые миссионеры и священники не могли определить, к какой разновидности раскола (старообрядчеству или сектантству) необходимо относить ту или иную группу отступников.

3.3. Немоляки

Основателем секты немоляков был Гавриил Зимин, сосланный в 1837 году на Кавказ за особое толкование Священного Писания, где основал свое учение. Секта возникла из старообрядчества как реакция на их чрезмерное увлечение ег последователей обрядовой стороной. Названа так в силу того, что представители данного толка не совершали молений «наружно». Они считали, что необходимо произносить молитву, которая не написана в книгах, а «которая исходит от собственных чувств человека, — произносится духом ума» [Булгаков, 1913, с. 1636]. Объяснение такого взгляда на воссылание к Богу молитвы сектанты основывали на учении «о временах века»: весна — век праотеческий, период от сотворения мира до Моисея; лето — век отеческий, от Моисея до Христа, осень — век сыновий, от Рождения Христа до 1666 года и зима — век Святого Духа, от 1666 года. Немоляки не признавали телесного пришествия Иисуса Христа, обрядов, молений и таинств [Обнорский, 1897, с. 873].

В 1883 году корреспондентом «Русского курьера» впервые было обращено внимание общественности на существование в Тобольской губернии секты немоляков. Он отметил, что по рекам Исети и Тоболу есть очень большие села, населенные исключительно раскольниками. Не так давно среди них выделилась своеобразная группа, которая известна здесь под именем «немоляхов». Автор статьи, говоря о немоляках, отмечает, что в Ялуторовском округе в д. Пилевой эти сектанты составляют лишь один двор, в соседней д. Плюхиной два двора. При этом замечает, что, «по отрывочности существующих о них сведений, трудно судить, насколько по своему мировоззрению они близки к немолякам» [Немоляки ..., 1883, с. 442].

В этом же 1883 году А. Г. Пругавин отверг предположение о том, что эта секта самобытна, то есть возникла на территории Тобольской губернии. По мнению А. Г. Пругавина, секта немоляков возникла на Дону не

ранее 1830-х годов XIX века. Её основателем был казак Гавриил Зимин, который сам сначала принадлежал к поповскому толку. Затем он перешел в беспоповщину и, наконец, отказавшись от старой веры, начал «уже сам изыскивать правую веру по старопечатным книгам и всевозможным рукописям» [Немоляки ..., 1883, с. 442]. С А. С. Пругавиным солидарен Т. И. Буткевич, который относит немоляков к сектам, появившимся «на почве мнимого старообрядчества». К ним же он относит так называемых дырновцев, аристовцев, белоризцов, неплательщиков, душителей и др. [Буткевич, 1910, с. 13].

Противоположное мнение было высказано Н. М. Никольским. Он считал, что секта немоляков возникла в 1865 году в Вятской губернии в среде бывших удельных крестьян, отказавшихся признать сокращенные нормы наделной земли по реформе 1861 года. Не найдя поддержку от приходских священников, вятские крестьяне организовали коллективный переход из состава православных приходов в новую секту, получившую в административной и судебной документации наименование «немоляков». В 1870-е годы немоляки обосновались в соседней с Вятской губернией — Пермской, а на рубеже 1870—1880-х годов расселились на территории Курганского уезда Тобольской губернии [Никольский, 1983, с. 369—370].

По данным всеобщей переписи 1897 года, в Тобольской губернии проживал 121 немоляк [Распределение ..., 1901, с. 9]. Из сообщения Тобольского епископа на имя губернатора от 26 ноября 1899 года усматривается, что сектанты имеются «в приходе градо-Ялуторовского, Сретенского собора в деревнях Хохловой и Петешной, именуемые местным православным населением “иконоборцами” и “немоляками”, каковых по составленному 18 ноября минувшего года причтом собора списку 52 муж. пола и 53 жен. пола. Сектанты эти как видно из исповедных росписей названного собора, появились с 1830 года; но как возникла эта секта — ни причту, ни местному населению неизвестно; б) имеются немоляхи в приходах Чинеевском и романовском единоверческом (в д. Могильной) Курганского уезда, которых в последнем насчитывается, как донес 19 октября сего года миссионер священник Василий Богословский, 8 муж. пола и 7 жен. пола» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 17, д. 15, л. 3].

Следует отметить, что духовенство не делало различий между немоляками и некоторыми другими сектами. Так, например, И. Сырцов в статье «Современное состояние раскола в Тобольской епархии» относит немоляков к молоканам или иконоборцам, хотя известно, что все они являются отдельными сектами. Приведем отрывок из его статьи, где говорится о вероучении секты, названной им молоканской (иконоборцы): «О молоканах известно от причта градо-Ялуторовского Сретенского собора... не покло-

няются иконам, не изображают на себе крестного знамения, никогда не отправляют никакого ни по каким книгам богослужения, а только читают Библию и свои иконоборческие поучительные тетради, не исполняют постов в воскресные и праздничные дни» [Сырцов, 1883, с. 497]. Под данное описание подходит большое количество сект, так как конкретных отличительных особенностей в нем не указано.

4. Заключение = Conclusions

Для рационалистических сект духоборов и молокан характерна рационализация религиозного сознания. Их последователи считают Священное Писание источником истинного знания о мире, но разрешают руководителям и членами общины толкование его текста. Они делают какой-либо элемент веры центральным в своем учении. С помощью культовой практики поддерживают дисциплину, ограничивают общение с внешним миром. Многообразие религиозных сект и их толков создавало для правительственных органов и исследователей трудности в решении вопроса их классификации. Несмотря на наличие относительно большого количества классификаций сект, предлагавшихся учеными и служителями церкви, до настоящего времени на этот счет не сформировалось единого мнения.

Рассмотрев особенности основных сект, распространенных на территории России и Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX веков, можно отметить общие черты рационалистических сект и отличительные особенности их различных направлений. Последователи сект рационалистического характера отвергли иконы и кресты, но были ближе к православию, в отличие от скопцов и хлыстов с их мистическими воззрениями. Критикуя Русскую православную церковь, они стремились к построению общества, построенного на началах религиозного и социального равенства. Если сектанты-мистики, скрывая от властей свою истинную веру, были добросовестными прихожанами православной церкви, то рационалисты как истинные христиане были «освобождены от властного надзора».

Несмотря на разницу в некоторых положениях вероучения и культа, рационалистические секты имели схожие черты. С идеологической точки зрения в секты молокан, духоборцев вступали люди, стремившиеся разобраться в Библии, ищущие не столько сильного лидера, сколько нравственных идеалов, справедливого устройства общества. Отказываясь от общепринятых норм в российском обществе, они стремились к совершенствованию нравственной жизни, так как они это представляли. В своих стремлениях они оказывались в оппозиции по отношению к официальной церкви и государству, ставя правила своих общин выше их законов. Социальную основу сект

рационалистических сект составляло крестьянство и мещанство. Однако по социальному составу духовная «верхушка» у духоборцев, молокан и баптистов была представлена крупными землевладельцами.

Ко второй половине XIX века русское сектантство представляло собой достаточно сложное явление, включавшее в себя большое количество сект. Часть сект, истоки которых уходят в XVII—XVIII века, к рассматриваемому нами времени не представляли собой единого целого. Большинство из них распались на более мелкие толки, отличавшиеся между собой. В секте духоборцев появляются ответвления, она теряет свои позиции после переселения значительной части последователей во главе с духовным лидером П. В. Веригиным в Канаду. Происходят процессы перехода духоборов в другие рационалистические секты.

Со второй четверти XIX века начинается сектантская колонизация Тобольской губернии, санкционированная правительством Николая I. Несмотря на предписание МВД, местные власти распределяли ссыльных сектантов по территории всей губернии, чем способствовали распространению «еретических» идей. Во второй половине XIX века на территории Тобольской губернии зафиксирована относительно небольшая численность сектантов, однако следует отметить, что по ряду причин официальные источники не отражали в полной мере присутствие сектантов в регионе. С 1855 года к 1913 году число сектантов со 182 человек увеличилось до 1473 человек. Значительная часть сектантов губернии в начале XX века принадлежала к переселенцам, выходцам из европейской и южной части России. Отчасти они вступали в секты по причине выплаты новообращенным материального пособия.

Анализ статистических материалов показал незначительный рост численности сектантства на территории Тобольской губернии на протяжении второй половины XIX века и существенный скачок в начале XX века. Выявленные данные свидетельствуют о присутствии на изучаемой территории последователей рационалистического сектантства с конца XIX века.

На наш взгляд, тема исследования заслуживает дальнейшей разработки в аспекте изучения фактов пребывания отдельных групп сектантов на территории Тобольской губернии, особенностей их религиозных взглядов и обрядов, их взаимоотношений с духовной и светской властями.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Андросов М. С.* Мое путешествие : рассказ члена христианской общины всемирного братства Михаила Андросова / М. С. Андросов // *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола* / под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. — Санкт-Петербург, 1908. — Вып. 1. — С. 74—146.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*. — Ф. 1. Тобольское городское полицейское управление (1798—1917 гг.). Оп. 1. Д. 895 ; — Ф. И152. Тобольское губернское управление (1822—1919 гг.). Оп. 15. Д. 25 ; Оп. 17. Д. 15 ; Оп. 31. Д. 1307 ; Оп. 32. Д. 551, 554 ; Оп. 35. Д. 846. — Ф. 417. Губернский статистический комитет (1835—1919 гг.). Оп. 1. Д. 249.
3. *Отчет* о деятельности Тобольского свято-Иоанно-Дмитриевского православно-церковного Братства // Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — № 1/2 (официальный отдел). — С. 10—21.
4. *Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам* / Разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет МВД, 1901. — 26 с.
5. *Соловьев Л.* Сведения о современном состоянии раскола в Тобольской епархии / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909а. — № 19. — С. 497—498.
6. *Соловьев Л.* Четвертый всероссийский миссионерский съезд в Киеве 12—26 июня 1908 г. / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909б. — № 3. — С. 38—47 ; № 4. — С. 91—96.
7. *Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел.* — Санкт-Петербург : Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1861—1885. Тобольская губерния : ... по сведениям 1868—1869 годов / обраб. ред. В. Зверинским ; составлен и издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1871. — CCLXXII. — Выпуск 60. — 196 с.
8. *Статистические сведения* о старообрядцах к 1 января 1912 г. — Санкт-Петербург : Департамент духовных дел Министерства внутренних дел, 1912. — 25 с.
9. *Сырцов И.* Современное состояние раскола в Тобольской епархии / И. Сырцов // Тобольские епархиальные ведомости. — 1883. — № 23—24 (неофициальный отдел). — С. 481—499.
10. *Толстой Л. Н.* Переписка / Л. Н. Толстой, П. В. Веригин ; подгот. Л. Д. Громова-Опульская. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. — 108 с.
11. *Шорец Г.* Сектантство в Тюкалинском уезде, Тобольской губернии / Г. Шорец // Тобольские епархиальные ведомости. — 1915. — № 44 (неофициальный отдел). — С. 698—706.

Литература

1. *Барсов Н.* Духоборцы / Н. Барсов // *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1893. — Т. XI (21). — С. 251—253.
2. *Бирюков П. И.* Гонения на духоборцев / П. И. Бирюков. — Лондон : типография Фонда вольн. рус. прессы, 1896. — 40 с.
3. *Боева Е. С.* Нетрадиционные религиозные организации в российском обществе : факторы роста и оценки населения : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Е. С. Боева. — Хабаровск, 2012. — 23 с.

4. *Бонч-Бруевич В. Д.* Животная книга духоборцев / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург, 1909. — 327 с.
5. *Булгаков С. В.* Настольная книга для Священно-Церковно-служителей : (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / С. В. Булгаков. — Изд. 3-е испр. и доп. — Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. — 1774 с.
6. *Буткевич Т. И.* Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. — Харьков : Типография губернского правления, 1910. — 608 с.
7. *Варадинов Н. В.* История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1863. — Книга 8. — 667 с.
8. *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири / А. Долотов. — Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. — 128 с.
9. *История и обличение русского сектантства (мистического и рационалистического)* / сост. К. Плотников. — Петроград : Типография И. В. Леонтьева, 1916. — 330 с.
10. *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.) / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1965. — 348 с.
11. *Клибанов А. И.* Народные противоцерковные движения / А. И. Клибанов // Русское православие : веки истории / под редакцией А. И. Клибанова. — Москва : Издательство политической литературы, 1989. — С. 562—615.
12. *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1973. — 256 с.
13. *Кориков Д. Г.* Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Г. Кориков. — Челябинск, 2011. — 226 с.
14. *Маргаритов С. Д.* История русских мистических и рационалистических сект / С. Д. Маргаритов. — Симферополь : Таврическая губернская типография, 1910. — 232 с.
15. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милюков. — Москва : Прогресс, 1994. — Т. 2. — Ч. I. — 416 с.
16. *Муратов М. В.* Духоборцы Иркутской губернии / М. В. Муратов. — Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1923. — 55 с.
17. *Немоляки* // Тобольские епархиальные ведомости. — 1883. — № 21. — С. 442—456.
18. *Никольский Н. М.* История Русской церкви / Н. М. Никольский. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с.
19. *Новицкий О. П.* Духоборцы : Их история и вероучение / О. П. Новицкий. — Киев : Унив. тип. (И. Завадзкого), 1882. — 282 с.
20. *Обнорский Н.* Немоляки / Н. Обнорский // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1897. — Т. ХХА (40). — С. 873—874.
21. *Пругавин А. С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. — Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1905. — 95 с.
22. *Рождественский А. В.* Южнорусский штундизм / А. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : Тип. Департамента уделов, 1889. — 301 с.
23. *Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды.* Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда (с портретами сектантов и картинами сектантских радений) / ред. и изд. М. А. Кальнев. — Одесса : Типография Е. И. Фесенко, 1911. — 336 с.

24. Скви́рцов В. М. Существенные признаки и степень вредности [русских] мистических и рационалистических сект и раскольничьих старообрядческих толков / В. М. Скви́рцов. — Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1896. — 19 с.

25. Терлецкий В. Н. Очерки, исследования и статьи по сектантству. Общие понятия о сектанстве. Духоборы и толстовцы. Павловское «страшное дело». Секта «иоаннитов» / В. Н. Терлецкий. — Полтава : электр. тип. Г. И. Маркевича, 1911. — Выпуск 1. — 255 с.

26. Терюкова Е. А. Понятие сектантства в российском вероисповедном законодательстве начала XX в. / В. Н. Терюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2013. — № 4. — С. 102—106.

27. Черказьянова И. В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири / И. В. Черказьянова // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. / под ред. П. П. Вибе. — Омск : ОГИК музей, 1997. — С. 79—98.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024,
одобрена после рецензирования 21.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.

Material resources

Androsov, M. S. (1908). My journey: the story of a member of the Christian community of the world brotherhood Mikhail Androsov. In: Bonch-Bruевич, V. D. (ed.). *Materials for the history and study of Russian sectarianism and schism*. St. Petersburg. 1: 74-146. (In Russ.).

GBUTO GA in Tobolsk — *The State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk"*. (In Russ.).

Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 60. (1871). St. Petersburg: Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).

Report on the activities of the Tobolsk St. John—Dmitrievsky Orthodox Church Brotherhood. (1918). *Tobolsk Diocesan Gazette*, 1/2 (official department): 10—21. (In Russ.).

Shorets, Sectarianism in Tyukalinsky district, Tobolsk province. (1915). *Tobolsk Diocesan Gazette*, 44 (unofficial department): 698—706. (In Russ.).

Solovyov, L. (1909). Information on the current state of the schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 19: 497—498. (In Russ.).

Solovyov, L. (1909). The fourth All-Russian Missionary Congress in Kiev on June 12—26, 1908. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 3, 4: 38—47; 91—96. (In Russ.).

Statistical information on Old Believers by January 1, 1912. (1912). St. Petersburg: Department of Spiritual Affairs of the Ministry of Internal Affairs. 25 p. (In Russ.).

Syrtsov, I. (1883). The current state of schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk diocesan vedomosti*, 23—24 (unofficial department): 481—499. (In Russ.).

The distribution of Old Believers and sectarians by sect and sect. (1901). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 26 p. (In Russ.).

Tolstoy, L. N., Verigin, P. V. (1995). *Correspondence*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 108 p. (In Russ.).

References

- Barsov, N. (1893). Dukhobortsy. In: *Encyclopedic dictionary*. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography (I. A. Efron). 251—253. (In Russ.).
- Biryukov, P. I. (1896). *Persecution of dukhobortsev*. London: Printing house of the Free Russian Press Foundation. 40 p. (In Russ.).
- Boeva, E. S. (2012). *Non-traditional religious organizations in Russian society: factors of growth and assessment of the population*. Author's abstract of PhD Diss. Khabarovsk. 23 p. (In Russ.).
- Bonch-Bruevich, V. D. (1909). *Animal book of dukhobortsev*. St. Petersburg. 327 p. (In Russ.).
- Bulgakov, S. V. (1913). *A handbook for Sacred Church ministers: (A collection of information relating mainly to the practical activities of the domestic clergy)*. Ed. 3rd edition and add. Kiev: Type. Kiev-Pechersk Dormition Lavra. 1774 p. (In Russ.).
- Butkevich, T. I. (1910). *Review of Russian sects and their interpretations*. Kharkov: Printing house of the provincial government. 608 p. (In Russ.).
- Cherkazyanova, I. V. (1997). Religious communities of Mennonites and Baptists in Western Siberia. In: *Germans. Russia. Siberia: collection of articles*. Omsk: OGIK Museum. 79—98. (In Russ.).
- Dolotov, A. (1930). *The Church and sectarianism in Siberia*. Novosibirsk: Sibkraizdat. 128 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1989). Popular anti-church movements. In: *Russian Orthodoxy: milestones of history*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 562—615. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1973). *Religious sectarianism in the past and present*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1965). *The history of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX century — 1917)*. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russ.).
- Korikov, D. G. (2011). *The state, the Church and sectarianism in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 226 p. (In Russ.).
- Margaritov, S. D. (1910). *The history of Russian mystical and rationalistic sects*. Simferopol: Taurida provincial Printing House. 232 p. (In Russ.).
- Milyukov, P. N. (1994). *Essays on the history of Russian culture: in 3 volumes, 2 (1)*. Moscow: Progress. 416 p. (In Russ.).
- Muratov, M. V. (1923). Dukhobortsy Irkutsk province. Irkutsk: Irkutsk University Press. 55 p. (In Russ.).
- Nikolsky, N. M. (1983). *The history of the Russian Church*. Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).
- Non-Poles. (1883). *Tobolsk Diocesan Gazette*, 21: 442—456. (In Russ.).
- Novitsky, O. P. (1882). *Dukhobortsy: Their history and doctrine*. Kiev: Univ. type (I. Zavadzky). 282 p. (In Russ.).
- Obnorsky, N. (1897). Nemolyaki. In: *Encyclopedic dictionary, XXXA (40)*. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography (I. A. Efron). 873—874. (In Russ.).
- Plotnikov, K. (ed.). (1916). *The history and denunciation of Russian sectarianism (mystical and rationalistic)*. Petrograd: I. V. Leontiev's Printing House. 330 p. (In Russ.).
- Prugavin, A. S. (1905). *Schism and sectarianism in Russian folk life*. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership. 95 p. (In Russ.).
- Rozhdestvensky, A. V. (1889). *South Russian shtundism*. St. Petersburg: Type. Department of the Estates. 301 p. (In Russ.).

- Russian sectarians, their teachings, cult and methods of propaganda. Fraternal work of the members of the IV All-Russian Missionary Congress (with portraits of sectarians and paintings of sectarian joys).* (1911). Odessa: Printing house of E. I. Fesenko. 336 p. (In Russ.).
- Skvortsov, V. M. (1896). *Essential signs and degree of harmfulness of [Russian] mystical and rationalistic sects and schismatic Old Believers.* Kiev: Type. S. V. Kulzhenko. 19 p. (In Russ.).
- Terletsky, V. N. (1911). *Essays, research and articles on sectarianism. General concepts of sectarianism. Doukhobors and Tolstoyans. Pavlovsky's "terrible case". Sect of the "Ioannites", 1.* Poltava: Electrical type by G. I. Markevich. 255 p. (In Russ.).
- Teryukova, E. A. (2013). The concept of sectarianism in the Russian religious legislation of the early twentieth century. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies, 4:* 102—106. (In Russ.).
- Varadinov, N. V. (1863). *History of the Ministry of Internal Affairs, 8.* (1863). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 667 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.05.2024;
approved after reviewing 21.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*